

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

FORMATION OF THE INSTITUTE OF LAND OWNERSHIP AS THE SUBJECT OF THE THEORY OF INSTITUTIONAL CHANGE

A. Smirnov

Summary. The article contains a review of theoretical approaches to institutional change, including the question of the emergence of land tenure. The survey allows for categorizing relevant theories. The article proceeds with a listing of hypotheses regarding the origin of property rights and land tenure rights in particular. A comprehensive study of institutionalist views on land tenure is essential to making realistic assumptions of its shaping through related markets, e.g. labor market.

Keywords: institutional change, land tenure, collective choice theory, evolutionary theory, synthetic theory.

Смирнов Артем Николаевич

Аспирант, Государственный университет управления
ansmirnov@nes.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору теоретических подходов к институциональным изменениям, в частности, к формированию института земельной собственности. В статье приводится классификация теорий институциональных изменений, основанная на анализе источников. Далее освещены некоторые предположения о причинах возникновения прав собственности, в том числе на земельные активы. Всестороннее изучение институциональных воззрений на земельную собственность необходимо для формулирования корректных допущений о влиянии на нее прочих рынков, например, рынка труда.

Ключевые слова: институциональные изменения, земельная собственность, теории коллективного выбора, эволюционные теории, синтетические теории.

Выдвигая гипотезы о взаимном влиянии экономических институтов, например, о том, как ограничения на рынке труда могли повлиять на содержание института земельной собственности, исследователь стремится выявить механизмы, посредством которых произошел переход к новым правилам игры. Корпус имеющейся теоретической литературы содержит описания большого числа механизмов, что актуализирует проблему классификации соответствующих теорий. Целью данного обзорного исследования является попытка систематизации теорий институциональных изменений через освещение основополагающих трудов в данной области.

Кингстон и Кабальеро провели сравнительный анализ нескольких институциональных подходов, объясняющих природу возникновения и сопротивления изменениям формальных и неформальных норм. [1] Авторы объединяют теории институциональных изменений в три большие группы: теории коллективного выбора, эволюционные теории, синтетические теории. Проведенный ими обзор источников позволяет классифицировать теории институциональных изменений по следующим критериям:

- ◆ источник институциональных изменений;
- ◆ экзогенные изменения параметров;
- ◆ эндогенные изменения параметров;
- ◆ процедура инициации институциональных изменений;
- ◆ детерминированная;

- ◆ недетерминированная;
- ◆ институт как исход игры;
- ◆ неравновесный;
- ◆ равновесный при единственном равновесии;
- ◆ равновесный при множественных равновесиях;
- ◆ характер неформальных институтов:
- ◆ экзогенны;
- ◆ эндогенны;
- ◆ рациональность сторон:
- ◆ совершенная;
- ◆ ограниченная;
- ◆ число уровней в иерархии институтов.

Теории коллективного выбора объясняют наличие или отсутствие институциональных преобразований продуктом осознанного принятия решений, субъектом которого является группа индивидов. Лайбкэп рассматривает формирование прав собственности как задачу о торге. [2] Изменение закрепляется путем заключения «договора» между сторонами. Процесс институциональных изменений представляется ему зависимым от траектории, причем трансформации мотивированы в первую очередь экзогенными шоками. Причины инерции Лайбкэп видит в появлении групп, заинтересованных в сохранении институционального status quo. Схожих позиций придерживается Остром, которая трактует институциональные изменения в качестве трансформаций многоуровневой иерархии правил. [3] Ею выделяется три уровня правил: повседневные правила, правила коллективного выбора и конституционные правила (до-

полнительно выделяются метаконституционные правила — например, правила ведения гражданской войны), где каждый следующий уровень регулирует правотворческую процедуру в рамках предыдущего. При рассмотрении некоторого уровня правил все вышестоящие принимаются как экзогенные. Для претворения институционального изменения в жизнь требуется формирование «минимальной коалиции», то есть соглашения минимально требуемого (высшими уровнями правил) числа сторон. Как и Лайбкэп, одной из причин инерции она называет приверженность отдельной фракции сохранению status quo. Выполнению теоремы Коуза мешает отсутствие регулятора, способного обеспечить межвременной обмен между сторонами договора. Кроме того, имеет место ограниченная рациональность игроков.

Эволюционный подход к институциональным изменениям применялся еще Вебленом (теория привыкания). [4] Вдохновленная дарвинизмом, теория привыкания строилась на концепции «привычек мышления», «наиболее приспособленные для выживания» из которых закрепляются в виде институтов. Альтернативный (и менее релевантный с точки зрения институциональных трансформаций) подход связан с теорией транзакционных издержек, сторонником которого был, в частности, Алчиан. [5] Согласно теории, институты возникают как средство сокращения транзакционных издержек, возникающих вследствие ограниченной рациональности и оппортунизма сторон. Предполагается, что возникающий институт оптимален с точки зрения данного типа транзакции, поэтому его эволюция здесь вторична. Гипотеза Алчиана о существовании нескольких равновесных состояний института прочими сторонниками подхода во многом игнорировалась. Собственную эволюционную теорию предложил Хайек. [6] По мнению Хайека, изменения институтов происходят вытеснением старых институтов более эффективными. Основным механизмом претворения институциональных правил в жизнь он видит не формализованные нормы, но общность ожиданий агентов. Так же, как и генеральная линия теории транзакционных издержек, теория Хайека несовместима с ситуацией множественных равновесий.

Вопросы интеграции двух теоретических основ — коллективного выбора и эволюционной — в представлении Кингстона и Кабальеро во многом объясняются соотношением формальных и неформальных правил. Уильямсон выделяет четыре уровня институтов, принадлежность к которым является функцией от скорости трансформации. [7] Считая формальные институты встроенными (embedded) в неформальные, он определяет систему неформальных правил как высший институциональный уровень. Нижестоящий компонент иерархии во многом схож с концепцией Острома с тремя

уровнями формальных институтов. Верхний формальный уровень является чрезвычайно инертным, его изменение может занимать десятки и сотни лет. Средний формальный уровень соответствует экономике транзакционных издержек — институты данного уровня суть реакция на затраты, свойственные типовым экономическим отношениям, и их формирование занимает годы. Третий уровень объединяет институты, трансформация которых происходит в непрерывном времени. У Норта неформальные институты развиваются эволюционно и служат дополнением формальных.

Систематический обзор эволюции прав собственности представлен Криром. [8] Существует два основных подхода к объяснению этой эволюции, кооперативный и конвенциональный. Первый трактует собственность как продукт социальной инженерии, некоего осознанного проектирования. Сторонники же второго воспринимают собственность как институт, изначально возникший естественным образом, без осознанного проектирования. Отмечается, что кооперативный подход является в правовой мысли мейнстримом, в то время как конвенциональный относится к гетеродоксальным направлениям истории права. Компаративный анализ двух подходов позволил автору сделать следующие выводы.

- ◆ Строго говоря, эволюционным является лишь конвенциональный, но не кооперативный подход.
- ◆ Кооперативный подход, в отличие от конвенционального, не дает четкого и детального толкования прав собственности.
- ◆ В центре кооперативной теории лежит тезис о формировании права собственности в результате повышения стоимости ресурсов. Конвенциональная теория, напротив, утверждает, что повышение стоимости ресурсов угрожало институту собственности как таковому.
- ◆ Кооперативная теория, в отличие от конвенциональной не объясняет, но принимает в качестве допущения следующий тезис: при появлении прав собственности ресурс, переходящий из общинного владения в частное, более не мог использоваться совместно.
- ◆ Согласно кооперативному подходу, общинное владение представляло собой естественный исходный стационарный порядок вещей, и для перехода к режиму частной собственности требовалось коллективное усилие; установление и обеспечение прав собственности требовало регулирующего органа. Согласно конвенциональному подходу, частная собственность возникла естественным образом, став новым стационарным состоянием, пришедшим на смену общинному владению. Новый режим наделял

субъектов базовыми правомочиями и не требовал регулирующего органа для определения и обеспечения прав собственности.

Институциональный анализ права собственности проведен Шмидцем. [9] Эволюция права собственности, по его мнению, определяется стремлением интернализировать экстерналии, то есть попыткой ограничить распространение внешних эффектов, положительных или отрицательных, трансформируя их в издержки (или выгоды в случае положительных экстерналий) отдельного физического или юридического лица. Право собственности включает правомочие эксклюзивного пользования активом, то есть исключения из круга легальных пользователей прочих лиц. Так как данное правомочие является социальной конструкцией, и в истории любого права существует момент, до которого правомочие исключения не существовало, именно этот момент воспринимается автором как институциональное зарождение права собственности. Классическая трактовка из трудовой теории собственности Джона Локка, называемая «локковой оговоркой» (*Lockean Proviso*), состоит в том, что первичное отчуждение могло быть принято сообществом прочих пользователей, если их положение при этом не ухудшалось. Тезис критиковался философами как контринтуитивный: ресурсы, в том числе земля, ограничены, поэтому невозможно изъять ее из всеобщего пользования, не снизив полезность других пользователей. [10] Шмидц парирует двумя аргументами.

Во-первых, первичное приобретение актива в собственность не является антагонистической игрой. Индивиды, лишённые правомочия пользования активом, получали компенсацию, выплачиваемую из выгоды, которая приобретена первичным собственником вследствие приватизации. Дополнительный вопрос, проистекающий из философии самого Локка, считавшего сохранение человечества главным критерием распределения ресурсов, заключается в необходимости учета интересов потенциальных будущих пользователей. Соответственно, при расчете компенсации за отчуждение земли в терминах теории Локка получатели включали в свою функцию полезности дисконтированные полезности будущих поколений. Отсюда следует, что конечной выгодой становления института собственности является не приватизация актива, но благосостояние, получаемое в результате эксклюзивного обладания им. Само же первичное право собственности, считает Шмидц, *ex post* следует признать отрицательным выигрышем. Во-вторых, антагонистической игрой не является общинное пользование, имевшее место до первичного отчуждения. Как правило, подобные игры имеют отрицательную сумму. Причина заключается в том, что пользователи вольны эксплуатировать полезные характеристики актива, истощая его, но обеспечить его защиту для буду-

щих пользователей они не могут, так как доступ не подлежит ограничению.

Чжан оценивает обоснованность морально-философских предпосылок формирования ранних рынков земли. [11] В центре его внимания лежит категория моральной экономики — модель хозяйства с нерациональными агентами, руководствующимися традиционными мотивами: справедливостью, коллективным выживанием. В подобных моделях агенты стремятся не к максимизации полезности, но к обеспечению стабильного существования домохозяйства. Чжан выделяет несколько причин, способных воспрепятствовать формированию устойчивого рынка земли в традиционном обществе, например, недостаточную защиту прав собственности, прямой или косвенный законодательный запрет и проч. Автора интересует природа самих этих рестриктивных институтов. Если для описания современной ситуации актуальны гипотезы об отсутствии рынка земли вследствие борьбы с экономическим неравенством или противоречия интересам определенных социальных страт, то экономику традиционных обществ в литературе принято описывать в парадигме моральной экономики. [12] [13]

Рассмотрев историю ранних рынков в Китае и Англии, он отмечает недостаток свидетельств в пользу гипотезы моральной экономики. Не отрицая возможность существования моральных ограничений на отчуждение земли, он считает их недостаточно жесткими для полноценного препятствования купле-продаже, поскольку ценность такого актива значительно превосходила величину моральных или репутационных издержек. Более того, под сомнение ставится сама концепция моральной экономики, так как наблюдаемое «нравственное» поведение агентов на рынке земли может быть равновесием и не противоречить допущению о рациональности. Соответствие моральным стандартам может входить в функцию полезности агента. [14][15][16] В общем же случае институциональный анализ должен проходить в рамках компромисса между материальными и моральными мотивами. Существуют три гипотезы, приводящие содержание этого компромисса в стройный теоретический вид.

Первую гипотезу выдвинул Канеман. [17] Он выделил две психологические инфраструктуры принятия решений, подсознательную систему 1 и сознательную систему 2. В системе 1 принимается большая часть незначительных решений, не требующих всесторонней оценки, в то время как система 2 предназначена для медленных размышлений. Таким образом, решение о продаже участка земли, представляющего большую экономическую ценность, задействовала бы систему 2, а не опиралось на моральный импульс, подаваемый системой 1.

Вторая гипотеза указывает, что интернализация (включение в функцию полезности) нравственных установок происходит в раннем возрасте и молодые люди в целом более восприимчивы к нравственным аргументам. [18] В сочетании с преимущественно патриархальным укладом традиционных обществ это говорит об относительной «безнравственности» лиц, принимающих решения в области земельной собственности — патриархов семьи. Наконец, третья гипотеза говорит о склонности индивидов усваивать те нормы и убеждения, которые согласуются с их априорным мировоззрением. [19] Делая допущение о преобладании в обществе врожденного мотива к накоплению богатства, Чжан указывает на его противоречие морально-экономическим аргументам.

Бардхан обращает внимание на ряд микроэкономических оснований, которые необходимо принимать во внимание при институциональном анализе в том числе и земельной собственности. [20] Во-первых, представление о верховенстве права как необходимом и достаточном условии долгосрочного экономического развития — рынок сделает все остальное — он считает ошибочным. Дело в том, что различные агенты не имеют одинаковых ожиданий относительно содержания института собственности. Простая переменная, описывающая принадлежность правовой системы к той или иной семье, оказывается слишком простой, чтобы отразить эту дифференциацию. Отсюда следует второй тезис: в исторической практике защита прав одних экономических агентов часто происходила за счет поражения в правах других. Такого рода политика не всегда проводится осознанно, ущемление прав при попытке их защиты в некоторых случаях является непредвиденным последствием. Источником неопределенности служат неполные контракты, например, установление индивидуального права собственности отрицательно сказывается на кооперации между агентами, взаимодействовавшими ранее в режиме общинного владения или слабо определенной собственности. В-третьих, институты часто играют роль не ограничивающих, но дозволяющих факторов — например, социальные сети, институт коллективной ответственности и проч. В-четвертых, институциональный анализ не должен обходиться без рассмотрения координирующих институтов: государства, рынка, сообществ. То конфликтуя, то дополняя друг друга, они позволяют преодолевать проблемы экономической координации, причем это взаимодействие остается значимым даже при полностью защищенном праве собственности. Конкретное распределение ролей зависит от контекста и траектории развития. Попытка придания главенствующей роли лишь одному из координирующих механизмов является, по мнению Бардхана, «наивной, бесполезной и неисторичной».

Лайбкэп говорит о формировании прав собственности как факторе предотвращения потерь при исполь-

зовании ресурсов, вызванных общинным владением активов. [2] Не имея четко определенного понятия собственности, претенденты на актив инвестируют в него меньше, чем инвестировали бы в режиме четко определенной собственности. Кроме того, они несут издержки, конкурируя за право обладания активом. В результате формируются экстерналии и эффекты третьих лиц. Стремясь преодолеть потери, претенденты способны коллективными усилиями дополнить содержание права собственности, однако продукт переговоров также может оказаться неоптимальным. Соглашение будет достигнуто, если ожидаемая доля каждого из агентов превышает текущую. Соглашение тем более вероятно, чем большими будут ожидаемые выгоды от перехода на новый режим собственности. Вероятность соглашения будет выше при однородности агентов с точки зрения издержек производства и доступа к информации о стоимости актива. Объемные переговоры приведут к повышению транзакционных издержек.

Другой известной работой в исследуемой области является «К теории прав собственности» Демзеца. [21] Автор предполагает, что если главным предназначением прав собственности является интернализация положительных и отрицательных эффектов использования объектов собственности, то и понимание природы данного института лучше всего обеспечивается рассмотрением тех самых эффектов. Возникновение новых знаний, указывает он, отражается на производственных функциях предприятий и, как следствие, возникают неизвестные ранее для общества издержки и выгоды. Попытка подстроить свою хозяйственную деятельность под новые реалии и обуславливает модификацию института собственности. Демзец ссылается на антропологический аспект дискуссии о собственности на землю: считалось, что изучение истоков данного института прольет свет на «истинную природу» человека, свободного от некоторых «искусственных» реалий цивилизации.

Меррилл, резюмируя теоретические построения Демзеца, подверг его построения критике: «Демзец открыто говорил о критерии «издержки-выгоды», служащем основой прав собственности; он представил сложную сводку выгод, извлекаемых из права собственности, предложив одну убедительную иллюстрацию своего тезиса. Однако в статье ничего не сообщается о факторах, которые определяют издержки режима собственности...» [22] Крир сопоставляет взгляды Демзеца со взглядами Локка и Гоббса. Криер предлагает эволюционную теорию прав собственности, которая, по его мнению, выражена по крайней мере в двух курсах. Согласно одному из них, собственность как институт является продуктом осознанного моделирования. Согласно другому, институциональная природа

собственности формируется в результате неосознанных действий агентов.

Методология количественного анализа институциональных изменений присутствует у Фадирана и Сарра. [23] Поставив перед собой задачи эмпирического обнаружения зависимостей от траектории и взаимозависимостей между институтами, они использовали ряд эконометрических методов. Авторы вводят новые институциональные индексы и трактуют их поведение как авторегрессионный процесс первого порядка. Зависимость от траектории отождествляется со стационарностью временного ряда, образованного поведением индекса. Гипотеза о стационарности проверяется с помощью двух статистических критериев:

- ◆ Дики — Фуллера;
- ◆ Филлипса — Перрона.

Также задействованы модели исправления ошибок. Взаимозависимость институтов тестируется следующими способами:

- ◆ коинтеграция Йохансена;
- ◆ коинтеграция ARDL;
- ◆ критерий Грэнджера на наличие причинно-следственной связи в уровнях;
- ◆ двумерные модели исправления ошибок в первых разностях.

В статье приведен обзор основополагающих теорий институциональных изменений, в их числе — учений о возникновении прав собственности. Подходы к анализу изменений могут быть объединены в три основные группы: теории коллективного выбора, эволюционные теории и синтетические теории. Более точная типология предполагает деление теорий по источнику институциональных изменений, процедуре их инициации, теоретико-игровой методологии, характеру неформальных институтов, рациональности участников и числу уровней в институциональной иерархии. Приведены количественные методы оценки институциональных изменений, включающие критерии стационарности и взаимозависимости институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kingston C., Caballero G. Comparing Theories of Institutional Change // *Journal of Institutional Economics*. 2009. № 2 (5).
2. Libecap G. D. Contracting for Property Rights (Political Economy of Institutions and Decisions). Cambridge University Press, 1994.
3. Ostrom E. Understanding Institutional Diversity. Princeton University Press, 2005.
4. Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. MacMillan, 1899.
5. Alchian A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. 1950. № 3 (58).
6. Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty, vol. 1: Rules and Order. University of Chicago Press, 1973.
7. Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. № 38.
8. Krier J. E. The Evolution of Property Rights: A Synthetic Overview // *Law & Economics Working Papers*. 2008.
9. Schmitz D. The Institution of Property // *Social Philosophy & Policy*. 1994. № 11.
10. Thomson J. J. The Realm of Rights. Harvard University Press, 1990.
11. Zhang T. Moral Economies in Early Modern Land Markets: History and Theory // *Yale Law & Economics Research Paper* № 544. 2016.
12. Piketty T. Capital in the Twenty First Century. Harvard University Press, 2014.
13. Priest C. Creating an American Property Law: Alienability and Its Limits in American History // *Harv. L. Rev.* 2006. № 120.
14. Becker G. S., Murphy K. M., A Theory of Rational Addiction // *J. Pol. Econ.* 1988. № 96.
15. Stigler G. J., Becker G. S. De Gustibus Non Est Disputandum // *American Economic Review*. 1977. № 2 (67).
16. Pollak R. A. Habit Formation and Dynamic Demand Functions // *J. Pol. Econ.* 1970. № 78.
17. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. Farrar, Straus and Giroux, 2011.
18. Licht A. N. Social Norms and the Law: Why Peoples Obey the Law // *Rev. L. & Econ.* 2008. № 4.
19. Kahan D. M. et al. Cultural Cognition of Scientific Consensus // *J. Risk/ Res.* 2011. № 14.
20. Institutional Microeconomics of Development. / ed. by T. Besley and R. Jayaraman. MIT Press, 2010.
21. Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // *American Economic Review*. 1967. № 2 (57).
22. Merrill T. W., Introduction: The Demsetz Thesis and the Evolution of Property Rights // *Journal of Legal Studies*. 2002. № 52.
23. Fadiran D., Sarr M. Path Dependence and Interdependence Between Institutions and Development // *ERSA working paper* № 637. 2016.

© Смирнов Артем Николаевич (ansmirnov@nes.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»